

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
М75

Goldy Moldavsky
THE MARY SHELLEY CLUB

Печатается с разрешения литературных агентств
The Bent Agency и *Andrew Nurnberg*

Дизайн обложки *Ольги Жуковой*
Перевод с английского *Влады Коваленко*

Молдавски, Голди.

М75 Клуб Мэри Шелли: [роман] / Голди Молдавски; пер. с англ. В. Коваленко. — Москва: Издательство АСТ, 2022. — 416 с. — (Темная академия).

ISBN 978-5-17-135583-8

Рейчел Чавес находит утешение в фильмах ужасов, отдавая предпочтение серийным убийцам с ножом и кукле Чаки скучающим богатым подросткам новой манхэттенской школы... а также некоторым воспоминаниям, которые она хотела бы похоронить в своей памяти.

На Рейчел выходит таинственное общество студентов «Клуб Мэри Шелли», организующее испытания на страх — тщательно продуманные розыгрыши, вдохновленные городскими легендами и кино. Она принимает их безрассудные правила, но по мере того, как игра набирает обороты, а конкуренция начинает походить на борьбу не на жизнь, а на смерть, Рейчел понимает, что проигрыш — это не ее вариант.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

Copyright © 2021 by Goldy Moldavsky
© В. Коваленко, перевод на русский язык
В оформлении издания использованы
материалы по лицензии @shutterstock.com
© ООО «Издательство АСТ», 2022

ISBN 978-5-17-135583-8

*Посвящается моей сестре Ясмин,
с которой мне так нравится
смотреть фильмы ужасов.*

Берегись, ибо я бесстрашен и потому силен.

Мэри Шелли. «Франкенштейн»

ПРОЛОГ

РЕЙЧЕЛ СИДЕЛА за столом, сложив ноги по-турецки и упершись коленями в край столешницы. Она просматривала страницы Википедии в поисках информации о Нелли Блай, исторической личности, о которой должна была писать статью, но взгляд рассеянно бегал по строчкам. Дело не в том, что читать о Нелли Блай было неинтересно; Рейчел привлекала деятельность любого крутого журналиста с громким именем. Но вокруг было слишком много отвлекающих факторов.

Spotify* протрубил последний сингл Тейлор, и как только Рейчел откладывала телефон, намереваясь начать читать о Нелли, раздавался сигнал о новом сообщении от Эми, которое приходилось просматривать. Вот как сейчас.

«Интересно, что он сейчас делает? Мы должны пойти к его дому и разнюхать».

«Я не собираюсь его преследовать», — ответила Рейчел и на этот раз действительно отложила телефон.

* Интернет-сервис потокового аудио, позволяющий легально прослушивать музыкальные композиции, аудиокниги и подкасты, не скачивая их на устройство. (Здесь и далее прим. пер.)

Но даже погрузившись в чтение интересной биографии Нелли, Рейчел витала мыслями где-то далеко.

Она не собиралась шпионить, но... *что же* он сейчас делает? Гуляет с друзьями, или играет в видеоигры, или старательно выполняет домашнее задание, чем следовало бы заняться и ей самой? Как бы то ни было, Рейчел не сомневалась, что он определенно не думает о ней. Он едва ли знал о ее существовании. Ну, если не считать того, что сегодня утром у них состоялся, типа, вполне реальный разговор. Это длилось не более трех минут, но все было по-настоящему. И они улыбались друг другу. Обменялись улыбками.

При мысли об этом Рейчел усмехнулась. И, несмотря на то что ее никто не мог увидеть, она спрятала свое по-дурацки счастливое, покрасневшее лицо в ладонях.

Ее телефон яростно запищал, уведомляя о потоке новых сообщений, и Рейчел взяла его, почти забыв о Нелли Блай.

«Тебе он нравится!!!» — писала Эми.

«Ты его любишь!!!»

«Ты хочешь от него бебиков!!!!!!!»

Рейчел застонала и швырнула телефон на кровать, а затем сунула его под подушку. Она не хотела от него «бебиков» и ни в коем случае не должна была рассказывать Эми о своем увлечении. Пора возвращаться к Нелли. Рейчел выпрямилась, поправляя ноутбук, как будто все зависело от правильного угла наклона экрана.

Упорно стараясь игнорировать сигналы телефона, Рейчел краем глаза заметила кого-то за ок-

ном. Ее стол располагался вплотную к окну, откуда открывался вид на лужайку перед домом. Не было ничего необычного в том, что кто-то прогуливался по улице, но Рейчел жила на окраине, а время уже перевалило за девять часов вечера. После девяти здесь никто не гуляет.

Но даже не это заставило Рейчел насторожиться. Дело было в том, что этот человек стоял перед ее домом, неподвижный как статуя. На нем были темные брюки и черная куртка, и хотя его лицо не удавалось хорошенько разглядеть, оно казалось Рейчел необычайно бледным.

По рукам Рейчел поползли мурашки, хотя она сама не понимала почему. Голос разума твердил ей, что это просто какой-то прохожий — может быть, сосед, — и ничего более.

Из-под подушки донеслось приглушенное звяканье. Рейчел схватила телефон и посмотрела на последнее сообщение от Эми.

«Преследователям выбирать не приходится, поддрруга».

Человек за окном исчез. Рейчел вздохнула с облегчением.

Когда голос Тейлор затих и телефон наконец перестал пищать, Рейчел решила вернуться к работе. Но тут она услышала другой шум. На этот раз его не издавало ни одно из ее устройств. Он доносился снизу.

Кто-то тяжелый и неторопливый шагал по лестнице.

Но это было невозможно. Она находилась дома одна. Раздались вступительные аккорды новой мелодии, но Рейчел быстро приглушила звук. Она си-

дела совершенно неподвижно, как щенок, ожидающий появления незнакомца у двери. Рейчел немного подождала, напряженно вслушиваясь в наступившую тишину.

И тут в комнате загремело. Рейчел вздрогнула и чуть не свалилась со стула от пронзительного писка поступившего сообщения. На этот раз Эми прислала только гифку с бородатым Крисом Эвансом, который заразительно смеялся. В другое время Рейчел тоже рассмеялась бы, но сейчас ее терзала тревога, от которой волосы на затылке встали дыбом. Чем дольше она вглядывалась в присланную гифку — лицо, искаженное бесконечным неистовым беззвучным смехом, — тем больше это пугало ее.

Как раз в тот момент, когда Рейчел собиралась отправить что-нибудь в ответ, она снова услышала шум. На этот раз звук раздался громче, и это точно были чьи-то шаги. Кто-то наступил на скрипучую доску пола между диваном и кофейным столиком.

Рейчел сделала глубокий вдох.

— Мама, это ты?

Ее мама отправилась в город на девичник с подругами. Она уехала всего час назад и вряд ли могла так рано вернуться. Но, может быть, она что-то забыла и спохватилась?

Рейчел цеплялась за эту мысль. Ее сердце бешено колотилось. Хотя подсознательно и понимала, что не слышала, как мамина машина подъехала к дому, как звякнула о столик в прихожей мамина связка ключей, как мама с шумом сбросила с ног сапоги и крикнула, что пришла домой, а ведь она привыкла всегда так делать.

Рейчел отложила телефон, подошла к двери и осторожно ее приоткрыла.

— Мама? — снова позвала она.

Когда ответа не последовало, Рейчел вышла из комнаты и прокралась по коридору к лестнице. Ее ноги в носках мягко ступали по покрытым ковром ступеням, пока она спускалась в гостиную.

Там кто-то был. И совсем не ее мама.

В противоположном конце комнаты стоял тот самый человек с улицы, одетый во все черное. Даже руки у него были в перчатках. Взглянув на его лицо, Рейчел вдруг поняла, почему прежде оно показалось ей таким бледным. То, что она приняла за кожу лица, на самом деле оказалось белой маской.

Тут Рейчел заметила другого мужчину. Он стоял у телевизора, одетый точно так же, как и первый. Они оба смотрели на нее через свои ужасные резиновые маски.

Мозг вытворляет любопытные вещи, когда внезапно сталкивается с тем, чего не может понять. Инстинктивным побуждением Рейчел было предложить мужчинам стакан воды, как ее учили поступать со всеми гостями. И сразу же пришло осознание: эти люди — не гости.

Первым порывом Рейчел было позвать на помощь, но все слова застряли в горле, застыли вместе с телом. Ей вдруг показалось, что она тонет в зыбучих песках и от любого движения лишь увязнет еще глубже.

Дальше стремительно произошли сразу две вещи.

Один из мужчин выскочил за дверь, пронесся сквозь нее, как будто его подхватил ветер. Второй

тоже двинулся, но не к двери. Он бросился к Рейчел, и она тут же стряхнула с себя оцепенение и побежала. Она думала только о задней двери на кухне, представляя, как распахивает ее, вырывается на волю во двор и убегает. Через мгновение фантазия обернулась реальностью. Рейчел оказалась на кухне, потянулась к двери, кончики пальцев почти коснулись дверной ручки.

Но тут мужская рука перехватила ее запястье. Рейчел поймали.

1

ГОД СПУСТЯ

КОГДА Я ОТКРЫЛА дверь, на пороге стояла Сандра с ослепительной улыбкой и в сияющем наряде.

— Собирайся, Рейчел, мы идем на вечеринку.

Мы с ней познакомились всего три недели назад, а она уже явилась ко мне без предупреждения, словно старинная подруга.

— Извини, я не могу. — Я была в пижаме и готовилась включить для поднятия настроения свой любимый фильм всех времен «*Ночь живых мертвецов*» и расслабиться. Кроме того, я ненавидела вечеринки. — Мама меня не отпустит, потому что завтра в школу.

Мама возникла за моей спиной подобно призраку в зеркале ванной комнаты.

— Формально на воскресный вечер это правило не распространяется, не так ли, Хамонада?

Это ласковое прозвище дала мне бабушка. Я пыталась отдать его обратно, но, похоже, возврату оно

не подлежало и, к тому же, понравилось моей маме. По-испански это означает «ветчина». Не в переносном смысле: «Эта девочка такая смешная и не по годам развитая — прямо лакомый кусочек!» В буквальном смысле: мясной продукт. И вот теперь Сандра услышала это слово, такие дела.

— Здравствуйте, мисс Чавес! — поприветствовала Сандра.

— Завтра в школу, — пробормотала я. — Так что, да, правило определенно распространяется на этот вечер.

— Но сегодня же у тебя не было уроков, — возразила мама. — Я бы сказала, что это спорная ситуация.

Сандра настойчиво закивала, а я уставилась на маму так, словно не она растила меня шестнадцать лет. Честно говоря, я не сразу догадалась, чего она добивается. И тут меня осенило: мою родную мать тревожит мое одиноко-отшельническое ничтожество.

— Но ты же хочешь, чтобы я отдохнула и взбодрилась перед завтрашними уроками, правда, мама? — процедила я сквозь зубы, как делают люди, когда хотят, чтобы кто-то понял намек.

На лице моей мамы появилась та ослепительная улыбка, с которой люди игнорируют чужие намеки.

— За выходные ты уже успела отдохнуть и взбодриться, дорогая.

Мы оказались в безвыходной ситуации. Мне хотелось провести вечер в компании живых мертвецов, а моя мама мечтала отправить меня погулять с живыми, но не мертвецами. Пора пускаться в ход тяжелой артиллерию.

— Сандра, расскажи моей маме, где будет проходить вечеринка.

Рискованная просьба. Насколько я знала, Сандра хотела отвезти меня в особняк Грейси*, чтобы пообщаться с мэром, и с учетом того, в каких кругах она вращалась, это выглядело не так уж неподобно. Но все указывало на то, что обстановка на вечеринке будет отстойная.

— Давай, расскажи ей, — настойчиво повторила я, заметив, что Сандра колеблется.

— В заброшенном доме в Вильямсбурге, — ответила Сандра.

Я с триумфальным видом повернулась к маме, сияя, как свежеотполированный спортивный кубок.

— *Заброшенный дом в Вильямсбурге.* Слышала, мама?

Вызов был брошен. Мы с мамой уставились друг на друга в ожидании, кто сдастся первым.

— Желаю хорошо провести время! — пропела мама.

Моя собственная мать настроена против меня. Когда мы переехали в Нью-Йорк, она поставила мне лишь два условия: 1) хорошо учиться и 2) завести друзей. Тот факт, что Сандра стояла на пороге, должен был послужить для мамы достаточным доказательством того, что я завела друзей. Ну, ладно, одну подругу. В любом случае я выполнила невыполнимую задачу: подружилась с кем-то, перейдя в новую школу в предпоследний год обучения. Но для моей мамы вечеринка означала шанс найти

* Особняк Арчибальда Грейси — официальная резиденция мэра Нью-Йорка.

еще больше друзей, таким образом, меня потащат в Вильямсбург.

Я переоделась (несмотря на протесты Сандры, я отказалась снять пижамную рубашку-«варенку», но дополнила наряд обрезанными джинсами и курткой), и мы ушли.

— Можно пройти пешком, — предложила я.

Мы находились в Гринпойнте, всего в одном квартале от места назначения, и погода стояла хорошая.

— Хочешь, чтобы нас убили? — фыркнула Сандра.

— Здесь довольно безопасно.

Сандра рассмеялась, выразив тем самым все, что думает обо мне и целом Бруклине, и достала телефон.

— Ну да. Конечно.

Такси прибыло меньше чем через три минуты.

Мы забрались на заднее сиденье, где Сандра одновременно делала дюжину селфи для обновления своих страниц во всех социальных сетях и рассказывала мне, кто будет на вечеринке. Так же она вела себя во время школьных обедов, когда пересказывала мне все сплетни о людях, которых я до сих пор с трудом могла вспомнить, столкнувшись в коридорах.

Сандра решила, что мы подружимся, с самого первого моего появления в Манчестерской школе на уроке истории у мистера Инзло. Когда я села за парту, Сандра наклонилась и попросила одолжить ей карандаш — я сразу догадалась, что это лишь предлог для разговора, так как заметила ка-

рандаш в открытом переднем кармане ее лавандового фирменного рюкзака.

Сначала я удивлялась, почему Сандре захотелось подружиться со мной, но быстро поняла почему. Она не могла мириться с тем фактом, что в ее классе появилась девочка, о которой никто ничего не знает. Отличительной чертой Сандры Клермонт, как я вскоре обнаружила, было жгучее стремление знать абсолютно все обо всех.

Так что в тот день я дала ей немного пищи для пересудов. До Манчестерской я ходила в государственную школу на Лонг-Айленде. Мы жили там с мамой, пока не переехали в Нью-Йорк.

В отличие от большинства местных учеников я не считалась богатой, не носила какую-нибудь громкую фамилию и не получала стипендиальную поддержку. Я попала в эту школу лишь потому, что моя мама устроилась сюда преподавать историю Америки для старших классов. Так что да — у моей мамы талант заставлять меня ходить туда, куда мне не хочется.

Но теперь, пока мы с Сандрой мчались к Вильямсбургу, мое нежелание идти на эту вечеринку переросло в панический страх. Мысль о том, что вокруг меня будет столько людей и ни один из них не заговорит со мной, заставила мое горло сжаться. Хуже всего было, что мне придется притворяться. Притворяться частью их мира, похожей на них. Я уже собиралась соврать Сандре, что чувствую себя не очень хорошо, но тут такси подъехало к дому. Сандра выскочила из машины, и я поплелась за ней.

Мы подошли к заброшенному дому, который выглядел прямо как декорации к фильмам про город-

ские страшилки конца 80-х. Все окна были заколочены досками, побитыми непогодой и испещренными граффити. На двери висели многочисленные таблички, на которых мелким шрифтом нас наверняка предупреждали держаться подальше. Дом был втиснут между закрытым складом и пустырем с табличкой «Продается» на сетчатом заборе.

На фоне мрачных стен маячило что-то светлое. На крыльце сидела девушка и читала книгу. Ее пальцы закрывали название на обложке, но по выглядывающим краям букв можно было угадать имя Стивена Кинга. Мне нравились фильмы по его романам. Может быть, мне удастся завязать разговор с этой девушкой. Может быть, вечеринка все же придется мне по душе.

— Привет, Фелисити! — обратилась к девушке Сандра.

Фелисити оторвалась от книги и сверкнула на нас глазами из-под короткой челки. На приветствие Сандры она не ответила.

— Хорошо, тогда пока. — Сандра взяла меня под руку и потянула вверх по ступенькам. — Пусть Фелисити Чу и дальше читает книжку на вечеринке.

Гостиную заполняли пара десятков людей, которые потягивали напитки, смеялись и шутили. Внутри дом выглядел не намного лучше, чем снаружи. Обои покрылись плесенью там, где еще не отвалились со стен, полы покрывал липкий линолеум, единственный свет исходил от мощных строительных ламп, в воздухе чувствовался запах асбеста. Но, похоже, это никого не волновало.

Я и сама не знала, что ожидала увидеть на вечеринке у богатых подростков, но уж точно не это.

Мне показалось забавным, что все они покинули свои уютные дворцы ради веселья в полуразрушенном доме.

— Пойду возьму выпивку, — сообщила Сандра, стараясь перекрыть музыку.

— Я с тобой, — ответила я, но она уже растворилась в толпе. Хуже похода на вечеринку, на которую тебе идти не хотелось, может быть лишь пребывание на этой вечеринке в одиночку. Я не собиралась торчать здесь, как одинокий буй, затерянный в море чужих друзей. Оставалось только одно: спрятаться в ванной.

Поднявшись по лестнице, я словно прошла через портал в другой мир. Звон стеклянных бутылок и грохот скверной поп-музыки затихли, поглощенные промозглой темнотой, сгущавшейся с каждым шагом. Обычно моя тревога рассеивалась, стоило мне удалиться из толпы в тихое место. Примерно то же самое происходит, если подышать в бумажный пакет, — быстрый способ успокоиться. Но не в этот раз.

Я постояла на верхней ступеньке лестницы, ожидая, пока глаза привыкнут к темноте и смогут различать неясные очертания. Я включила телефон для подсветки, и этого оказалось достаточно, чтобы увидеть, что коридор оклеен обоями в цветочек. Однако, когда я на ощупь двинулась дальше по коридору, блеклые лепестки цветов стали казаться мне жуткими, морщинистыми лицами ведьм.

При виде слегка приоткрытой двери у меня перехватило дыхание. В проеме сгустилась такая чернота, что обстановка внутри комнаты совсем не угадывалась, даже когда я попробовала посветить туда телефоном. За дверью мог скрываться человек и на-

блюдать за мной, а я бы этого и не заметила. Это место действовало на нервы.

Мне следовало бы развернуться и уйти домой, но я же пришла на вечеринку. Я хотела быть обычной беззаботной и глупой девчонкой. А не той, кто шарахается от каждой тени. Поэтому я отбросила свои страхи и толкнула дверь.

Оказалось, что это как раз ванная комната. Внутри никого. Свет не включался, вода из крана не шла, было тихо. Я вытасила телефон и открыла «Инстаграм». Ничем хорошим посещение его страницы никогда не заканчивалось, но я не могла остановиться. Я понимала, что это вредно для меня, но все равно приняла очередную дозу яда.

Я открыла фотографию, на которой он со своим лучшим другом красовался в футбольной форме. Мой взгляд скользнул по прядям его волос, по его темно-янтарным глазам, прищуренным от ликования. И по ямочкам на щеках. Его широкая улыбка и эти ямочки на щеках действовали на меня как удар под дых. Под постом шли сотни комментариев от его друзей. Я уже перечитала их все по нескольку раз. Если я начну читать их сейчас, то это затянется на несколько часов.

Но тут я услышала чей-то голос. Поначалу слова было не разобрать, но в голосе слышалась сердитая интонация.

Очевидно, кроме меня наверху был кто-то еще. Я тихонько вышла из ванной и последовала на звук голоса в соседнюю комнату. Стало ясно, что на самом деле там находятся два человека, они разговаривали приглушенными, напряженными голосами. Спорили.

Дверь распахнулась, и я едва успела убраться с дороги, когда Брэм Уайлдинг вылетел из комнаты. Он меня не заметил, но, посторонившись, я врезалась прямо в Лакс Маккрей. На самом деле ни с кем из них я не была знакома, но они считались правящей элитой средней школы, а про таких популярных людей знаешь все, даже если лично вы не общались. Лакс и Брэм были местной влиятельной парой в Манчестерской школе.

Телефон выскользнул у меня из рук и запрыгал по ковру в коридоре. Свет падал на Лакс, словно она всегда, так или иначе, притягивала к себе лучи софитов, и подчеркивал угловатые черты ее лица, придавая ей схожесть с героиней с обложки книги Вирджинии Эндриус. Глаза Лакс округлились от удивления, но затем сузились.

— Какого черта?! — набросилась на меня Лакс. — Ты что, *шпионила* за нами?

— Нет!

— Не знаю, что ты там слышала...

— Я ничего не слышала.

Ее взгляд прошелся по мне, двигаясь от слипшихся Zаррос до растрепанного пучка густых каштановых волос, затем задержался на моем лице. Может быть, Лакс задавалась вопросом, почему у меня так много веснушек и почему бы мне не поискать какие-нибудь косметические советы, чтобы хоть слегка осветлить лицо?

В ответ я уставилась на нее. Мои естественные веснушки определенно выглядели грязью по сравнению с ее искусственными. Я определила, что у Лакс ненастоящие веснушки, потому что они были слишком круглыми, одинаково маленькими

и идеально расположенными. Из тех, что осторожно рисуешь карандашом для бровей. Они скользили по переносице, рассыпаясь по верхней части щек. Прекрасные созвездия.

До меня донесся запах духов Лакс. Miss Dior. Любимая парфюмерная вода будущих опальных жен политиков. Кожа Лакс сияла, шелковистая и упругая, под бретельками ее трикотажной майки от Brandy Melville, а волосы имели цвет взбитого масла. Лакс была из тех хорошеньких блондинок, которые первыми погибают в фильмах ужасов.

Но затем взгляд Лакс переместился на мой телефон на полу. Она подняла его и неторопливо рассмотрела не только пост на экране, но и ник в «Инстаграме».

— Может быть, лучше смотреть себе под ноги, вместо того чтобы преследовать *Мэтью Маршалла*.

Тяжелая тревога сдавила мою грудь, угрожая распространиться на все остальное тело. Все произошло так быстро, как иногда бывает со страхом. В одну минуту я могла быть в порядке, а уже в следующую — начинала чувствовать себя неловко, нервно, пальцы рук и ног болезненно покалывало. Лакс не должна была узнать про Мэтью. Никто не должен был узнать. Я схватилась за свой телефон, и лицо Лакс приобрело шокированное и оскорбленное выражение, словно это был *ее* телефон. Мне удалось вырвать его у нее из рук.

— Чудило, — прошипела она, протиснувшись мимо меня и исчезла в темном коридоре.

Это тут же напомнило мне о том, кто я есть. Ненормальная девчонка. Чудило. Все это понимали,

включая Лакс. Да, я официально завершила свое пребывание на этой вечеринке.

Я направилась вниз по лестнице, собираясь найти Сандру и вместе с ней убраться отсюда, но нервнующая темнота и странная встреча с Лакс тянулись за мной, как скатерть, случайно засунутая за пояс. Никто не должен был узнать про Мэтью. Я так и знала, что приходиться на эту вечеринку — плохая идея. Так и знала.

Голову переполняло множество хаотичных мыслей, и мне казалось, что я спускаюсь по лестнице одновременно слишком быстро и слишком медленно. Я пробралась сквозь толпу, не замечая перед собой ничего, кроме входной двери.

Через секунду я уже стояла на улице, глотая свежий ночной воздух. Мне требовалось собраться с мыслями, сделать в прямом смысле все что угодно, лишь бы не думать о случившемся. Мне требовалось совершить какую-нибудь глупость. Безрассудный поступок.

На глаза мне попался одинокий человек. Я подошла и похлопала его по плечу. В такие моменты, как сейчас, я могла бы при необходимости сыграть персонажа фильма об одержимости: утратить контроль над собой и позволить чему-то иному овладеть мной. Я едва дождалась, пока человек обернется, а затем схватила его за рубашку и притянула его лицо к своему.

Я ненавижу ту часть себя, которая вытворяет подобные вещи. Безрассудные и неправильные.

Но это сработало. Как только наши губы соприкоснулись, все мысли о Мэтью Маршалле и Лакс и о том, как давила на меня атмосфера в доме, уле-

тучились. На мгновение мне стало все равно. Можно было списать это на подростковые шалости. Я могла бы притвориться пьяной, дикой, и будь проклята мораль. У меня почти не было сомнений, что так и поступают нормальные подростки на обычных вечеринках.

Я уже вообще ни о чем не думала, и как только мысли успокоились, надо мной взяли верх ощущения. Я услышала звук его дыхания: резкий при вдохе через нос, а затем мягкий при выдохе. Я почувствовала запах его шампуня, что-то древесное. Сосна и липа. А потом даже эти ощущения исчезли, и у меня осталось только два. Прикосновение его губ и их вкус.

Когда мы оба отпрянули, задыхаясь, я, наконец, увидела, кого целовала.

И тут же в моей голове — безмятежно пустой всего мгновение назад — загремело долгое отчаянное «*черт!!!*».

— Рейчел? — окликнула меня Сандра, спускаясь с крыльца.

Я не могла сказать, пребывал ли Брэм Уайлдинг в ужасе или отвращении от моего поступка, но он оказал мне любезность, сохранив каменное выражение лица. Мне это даже польстило. Брэм, *парень-Лакс-на-которого-я-просто-набросилась-ведь-я-по-словам-Лакс-опасное-неадекватное-чудило*, поступил любезно. Он повернулся и ушел, прежде чем Сандра успела его разглядеть.

— Кто это был? — спросила Сандра, подойдя ко мне.

— Никто.

Она изогнула бровь.

— Я только что видела, как ты с кем-то разговаривала.

— Это был никто. Призрак.

— Забавно, что ты это сказала сейчас. — Сандра переплела кончики пальцев. — Потому что намечается спиритический сеанс!

2

САНДРА ПОВЕЛА МЕНЯ обратно через дом, крепко держа под руку, чтобы предотвратить любую попытку побега.

— Зачем нам это? — спросила я.

— Это же *спиритический сеанс*, — одновременно произнесли мы с Сандрой, хотя наши интонации были полярно противоположными.

— Да что здесь плохого?! — возразила Сандра.

— Ты, очевидно, никогда не смотрела «*Ночь демонов*».

Сандра остановилась и повернулась ко мне. Она нежно положила руки мне на плечи и очень серьезно посмотрела на меня.

— Знаешь что, Рейчел? Никто не понимает, про что ты говоришь.

Я вздохнула. Верно подмечено.

— Будет весело, — пообещала Сандра. — И в любом случае именно так и добиваются успеха в Манчестерской школе. Именно так заводят знакомства с крупными игроками. — Она опустила руки и сжала мой локоть. — Именно так находят себе друзей.

Кто бы мог подумать, что для того, чтобы обзавестись друзьями, мне надо лишь вызвать духов

мертвых? На полу в гостиной группа подростков уже уселась в круг. Вечеринка подходила к концу, и нас осталось человек пятнадцать. К несчастью, одной из них оказалась Лакс. Мой желудок сжался, когда она посмотрела на меня. Я уже попалась ей под горячую руку — и молилась, чтобы она никогда не узнала про мой поцелуй с ее бойфрендом.

Кто-то выключил строительные лампы, так что свет исходил только из центра круга, где какой-то парень зажигал расставленные на полу толстые свечи в подставках. Когда в комнате стало достаточно жутко от мерцающего света свечей и все расселись по местам, парень встал.

— Это место принадлежит моему отцу, так что во время спиритического сеанса лучше ничего не ломать.

— Твой отец купил этот дом, чтобы снести его и построить роскошные кондоминиумы, — напомнил ему кто-то. — Давайте побуяним!

Послышался легкий смех, но я, должно быть, пропустила шутку мимо ушей. Одна девушка подняла руку. Без школьной формы она выглядела по-другому, но я сразу узнала ее. Точно так же настойчиво эта девушка всегда тянула руку на естественности. Так же, как и сейчас.

— Что это будет за спиритический сеанс?

— Путешествие в прошлую жизнь, — предложил Тайер Тернер. Его отец был генеральным прокурором штата, и, как сообщила мне Сандра, Тернеры прослыли практически вторыми Обама.

— А что такое путешествие в прошлую жизнь? — продолжила расспросы любительница тянуть руку.

— Это когда смотришь в зеркало и видишь, какой была твоя прошлая жизнь, — пояснила я.

Тайер повернулся и посмотрел на меня. И все повернулись, чтобы посмотреть на меня. Наверное, такой длинной фразы они не слышали от меня с тех пор, как я попала в их школу. Я в шутку упомянула о спиритическом сеансе из «*Ночи демонов*», но теперь при взгляде на омерзительно сияющие радостью лица задумалась о том, что мои слова могли оказаться пророческими.

— Ага, — протянул Тайер, задержав на мне взгляд еще на секунду. — Новенькая права. Нам повезло, я видел зеркало в шкафу в прихожей!

— Что ты делал в шкафу? — спросил кто-то.

Я бросила на парня неприязненный взгляд. В его тоне слышалась лицемерная насмешка, которая не ускользнула и от Тайера. Расправив плечи, он направился в коридор.

— Ха-ха, очень смешно, Девон, — отозвался он.

Тайер вернулся в комнату с большим зеркалом в руках, которое прислонил к камину. Стекло потемнело от старости и гнили. Все бросились к нему, чтобы лучше рассмотреть себя.

— Возможно, получится не сразу, — предупредил Тайер. — Нужно сосредоточиться.

Если бы действие происходило в фильме, демонический скелет мог бы появиться из зеркала в любую минуту. Но там отражалась лишь группа изнывающих от безделья подростков, склонивших лица, чтобы выглядеть наилучшим образом.

Конечно, умом я понимала, что на нас не выскочит демон, и прошлые жизни мы в зеркале не увидим, но все же начала ощущать знакомое пока-

львание в затылке. Я не верила в прошлые жизни, но у меня было прошлое. Что, если я посмотрю в это зеркало и все увидят мое истинное лицо?

— Ничего не происходит, — пожаловалась любительница тянуть руку.

— Что ж, значит, у тебя не было прошлой жизни, — отозвался Тайер.

— Как нет и нынешней личной жизни, — хихикнул Девон, придурок.

Остальные снова засмеялись, и я начала задаваться вопросом, не отражается ли и впрямь куча демонов в зеркале.

— Успокойтесь, дети, — сказал Тайер. — Почему бы нам не оставить в покое прошлые жизни и не попытаться пообщаться с *настоящими* духами?

— Типа с нашими предками? — уточнил кто-то.

— Типа с людьми, которые жили в этом доме, — ответил Тайер.

— Я думал, он заброшен, — заметил Девон.

— Ну, кто-то же должен был сначала жить здесь, чтобы бросить его, умник. — Тайер наклонился вперед. Это было едва заметное движение, но оно заставило всех тоже податься вперед. — Здесь жила пара, Фрэнк и Грета. Типичные хипстеры — я говорю о веганском кешью-сыре и ужасном стиле. И все было хорошо в Хипстервилле, пока однажды Грета не начала слышать жужжание.

— Жужжание? — переспросил кто-то.

— Как будто муха летает над ухом, — пояснил Тайер. — Поначалу это случилось лишь изредка, словно какой-нибудь жук забрался в кухонное окно и не смог оттуда выбраться. Но затем

жужжание стало повторяться чаще. Настойчиво. Грета поняла, что шум усиливается в то время, когда Фрэнк дома. Каждый раз, когда они были вместе, она слышала этот звук. Жужжание. Она спросила, не нарочно ли Фрэнк шумит. Он ответил, что ничего не слышит. Но Грета продолжала слышать жужжание и в конце концов просто не выдержала. Она стала умолять Фрэнка перестать жужжать, а он посмотрел ей прямо в глаза и сказал, что не понимает, о чем речь. Но Грета ему не поверила. Жужжание было слишком громким. Он *не мог* этого не слышать. И Грета начала накручивать себя, она посчитала, что Фрэнк не просто лжет о жужжании. Это жужжание исходит *из него*. Грета убедила себя, что Фрэнк одет в оболочку из кожи — что под ней он просто состоит из миллиона мух, которые жужжат, роятся и доберутся до нее.

Кто-то (это был Девон) фыркнул, но остальные сидели смирно в ожидании продолжения рассказа Тайера. Я подалась вперед. Я тоже хотела, чтобы он продолжил.

— Фрэнк, конечно, пытался урезонить Грету, но та не могла находиться рядом с ним из-за назойливого постоянного жужжания. Иногда по утрам, когда он завтракал кашей, Грета видела, как муха ползает по мочке его уха, а Фрэнк словно этого не замечает. По ночам Грета не могла заснуть, потому что Фрэнк спал с открытым ртом, и всякий раз, когда она закрывала глаза, ей казалось, что из его рта вылетают мухи.

Тайер широко открыл рот, опустив челюсть вниз до предела. Мухи, конечно, не вылетали, но он оста-

вался в этой позе и смотрел на нас сверху вниз. Я почувствовала, как Сандра заерзала рядом со мной. Когда Тайер, кляцнув зубами, захлопнул рот, некоторые из нас вздрогнули.

— Грета больше не могла этого выносить, — продолжал он. — Однажды она взяла мясницкий нож и рассекла им горло Фрэнку.

Сандра резко выдохнула.

— Грета пыталась освободить мух. Но оказалось, что она всего лишь убила Фрэнка. А когда Грета увидела, что мух внутри него нет, она тут же покончила с собой. И самое страшное во всем этом то, что Фрэнк и Грета... — Тайер широко раскрыл глаза и понизил голос до шепота: — ...официально были республиканцами.

Я фыркнула, но, похоже, никому больше это смешным не показалось.

— Ладно, про республиканцев я пошутил, но все остальное — чистая правда! — продолжил Тайер. — Прошла неделя, прежде чем нашли их тела. Соседи круглыми сутками слышали жужжание, и оно становилось все громче и громче. Кто-то, наконец, вызвал полицию, и когда взломали дверь, угадайте, что там увидели? — Повисла театральная пауза. — Мух. Сотни тысяч мух ползали по всему дому... и по телам.

— Это полная чушь! — заявила какая-то девушка, но сидящий рядом с ней парень хлопнул себя по шее и вздрогнул.

— Так что, мы будем, типа, пытаться поговорить с людьми, которые здесь погибли? — спросила Лакс. — Разве нам не нужна для этого спиритическая доска или что-то в таком роде?

Другая девушка, кажется, Сиенна, прочистила горло.

— Мне уже приходилось участвовать в спиритических сеансах. Я знаю, что делать. — Она картинно села с прямой спиной, словно шомпол проглотила, и взялась за руки с людьми, сидящими по обе стороны от нее.

Я пыталась сообразить, следует ли восхититься ею или лучше встревожиться, ведь она сказала «сеансы» — во множественном числе? Но времени на размышления не осталось, так как сидящая рядом девушка схватила меня за руку.

— Тогда продолжай, — обрадовался Тайер. — Что нам делать дальше?

— Мы должны очистить разум от всех мыслей, но также открыть умы и души навстречу любым возможностям, которые Вселенная предоставляет нам, — заговорила Сиенна тоном консультанта по здоровому образу жизни из YouTube. Она подняла подбородок к подвешенной в центре потолка разбитой люстре и сделала глубокий вдох. — Грета, мы пришли к тебе с любовью и заботой в сердцах. Твоя смерть была несвоевременной и, типа, абсолютно жестокой и все такое, и это отстой. И мы знаем про твою небольшую проблемку с убийством Фрэнка, ну ты понимаешь. Но я также верю в то, что женщины имеют право сомневаться в своем партнере, и я уверена, что он, скорее всего, весь день жужжал себе под нос, чтобы вывести тебя из себя. Мы здесь ради тебя и любим тебя. Если ты слышишь нас, пошли нам знак.

Мой разум и душа были открыты и все такое, но между бровями образовалась глубокая склад-

ка. Единственное, в чем я была уверена насчет Греты, — она на сто процентов выдуманный персонаж из выдуманной истории. Но, похоже, никого больше такие мысли не волновали.

Все вокруг меня закрыли глаза, и в комнате слышались лишь тихие шорохи от людей, которые пытались сидеть неподвижно или задержать дыхание. Грета определенно нам никаких знаков не подавала. И все же мы ждали, как мне показалось, слишком долго. Я подумывала о том, как бы слинять отсюда, но не хотела первой выходить из круга. Это точно не помогло бы мне завести друзей, как советовала Сандра. Но, к счастью, мне ничего не пришлось делать, потому что кто-то другой нарушил молчание.

— Ладно, ясно же...

Тяжелый удар по потолку заглушил голос, и несколько голов вскинулись на шум, достаточно громкий и сильный, чтобы заставить хрусталики на люстре звенеть, как будто мы сидели в ветреный день на открытой веранде в Северной Каролине, а не собрались в заброшенном доме в Вильямсбурге.

— Наверху кто-то есть? — свистящим шепотом спросил кто-то.

— Это Грета-а-а-а... — до жути дрожащим голосом протянул Тайер.

— Грета, это ты? — спросила Сиенна. — Стукни один раз, если «да», и два раза, если «нет».

Все снова затаили дыхание, внимательно прислушиваясь к звукам. Через мгновение раздался еще один тяжелый удар.

— Грета, — заключила Сиенна. — Ты в порядке?

Прошло еще мгновение, и раздался очередной тяжелый удар. Сиенна улыбнулась, но ее улыбка

тут же погасла, потому что все услышали второй удар. Два удара.

— Она не в порядке, — прошептала Сандра.

На короткий миг воцарилась тревожная тишина, пока мы все украдкой переглядывались, пытаюсь понять, кто боится и кто верит.

— Грета, чем мы можем тебе помочь? — спросила Сиенна.

— На этот вопрос же нельзя ответить «да» или «нет», что она нам скажет? — с презрительной гримасой заметила Лакс.

Тут сверху донесся новый шум. Не очередной тяжелый удар, а скорее грохот, как будто шар для боулинга швырнули на пол. С покрытого лепниной потолка посыпалась пыль. Потом вдруг стали происходить другие вещи. Теперь уже не только по потолку, но и по стенам раздавался стук, грохот, словно дом ожил. Свечи погасли, и я слышала пронзительный треск. Зеркало упало, забрызгав нас осколками стекла.

Раздались крики, достаточно громкие, чтобы звучать в унисон нарастающей какофонии рушащегося дома. Крик Сандры прозвучал пронзительнее прочих, и она внезапно так быстро дернула мою руку вверх, что мои ноги заскользили, пока я пыталась встать. Топот людей, метавшихся в темноте, смешивался с громopodobным ревом, по-прежнему доносившимся из потолка и стен. А потом шум превратился во что-то другое.

Он зазвучал гораздо ближе.

Рой.

Жужжание.

Как будто по нам ползали сотни тысяч мух.

Крики наполнились настоящим ужасом.

— *Уберите их от меня!* — особенно выделялся один голос. — *Уберите их от меня!*

Ожили строительные лампы, заливая ярким флуоресцентным светом полностью преобразившуюся комнату. В дверях сгрудились люди, крича и отчаянно пытаясь выбраться. Взгляды всех присутствующих устремились на Лакс, которая была в полной панике. Она яростно дергала себя за прекрасные светлые пряди и истерическим голосом умоляла, чтобы кто-нибудь помог ей избавиться от мух.

Но мух не было. Свет принес с собой тишину, и краем глаза я увидела единственного человека, который сохранял спокойствие. Ни одна прядь его распущенных вьющихся волос не выбилась из прически. Его очки в толстой оправе не сдвинулись набок. На моих глазах он щелкнул выключателем на портативном динамике и сунул прибор в карман брюк. И в тот же миг жужжание прекратилось.

Все в комнате выругались и затаили дыхание. Я плотно сжала губы, чтобы не издать ни звука, но что-то необъяснимое бурлило внутри меня. В конце концов, это вырвалось наружу.

Я рассмеялась. От души. Смех был таким громким, что все тут же повернулись, чтобы посмотреть на меня, как будто это я была самой странной вещью в якобы заброшенном доме с привидениями.

Взгляд Лакс встретился с моим. Она тяжело дышала, из кулаков торчали белокурые прядки, похожие на увядшие стебли цветов. На мгновение мне показалось, что она выдернула свои волосы, но по-

том я заметила зажимы на концах прядей. Нарощенные волосы!

— Это все из-за тебя! — Лакс набросилась на меня так, словно это я повыдирила ей волосы.

Я покачала головой, напрасно стараясь быть серьезной, потому что смех продолжал рваться из груди.

— Ты устроила этот глупый розыгрыш!

Я огляделась в поисках парня с портативным динамиком, но он исчез раньше, чем Лакс оскалилась на меня. Однако все остальные стояли на месте как приклеенные.

Из горла Лакс вырвался сердитый гортанный звук, и она швырнула свои искусственные пряди на пол.

— Посмейся напоследок, потому что в школе тебе *не жить*. — И с этими словами она, громко топая, бросилась прочь из дома.

Перестав смеяться, я повернулась к Сандре. Ее лицо застыло в гримасе. Я ждала, что она что-нибудь скажет. Что-то вроде тех слов ободрения, когда уверяла, что эта вечеринка будет «полный улет» и что я «найду друзей». Но Сандра лишь выдавила:

— Нехорошо получилось.

3

Я ПОЧУВСТВОВАЛА, насколько *нехорошо* все получилось, как только вошла в школу на следующее утро.

Манчестерская школа была частной, и даже по ее расположению становилось понятно, насколько она эксклюзивна. Манхэттен. Верхний Ист-Сайд.

Практически на Музейной миле*. Четырехэтажное здание с замысловатыми готическими украшениями, вырезанными на фасаде, так и притягивало к себе вооруженных фотоаппаратами туристов. Снаружи школа выглядела красиво, но внутри казалась тесноватой.

Мы носили форму. Рубашки из ткани «оксфорд» и серые блейзеры со школьным гербом. Мальчикам полагались брюки, а девочкам — плиссированные серые юбки, которые должны были целомудренно доходить до колен, но чаще всего едва прикрывали середину бедра. Я совершила ошибку, заказав себе форму в интернете, вместо того чтобы подогнать ее, как все остальные девочки, в ателье. Так что только у меня длинный подол царапал голени. Форма была накрахмаленной, колючей и безжалостно впивалась в талию, и все это как нельзя лучше показывало, насколько я здесь не в своей тарелке.

Отчасти дело было в деньгах. У всех вокруг они водились, у меня — нет. Можно было бы возразить, что это не имеет большого значения, раз уж мы все носим одну и ту же одежду, учимся одному и тому же, но как только другие открывали рот, сразу становилось ясно, что мы принадлежим к двум разным мирам. Они любили поговорить о своих вещах: как дорого те стоят и сколько их много. Они имели кредитные карты с неограниченным лимитом, носили украшения от Cartier, и по какой-то причине, которую я никогда не пойму, у всех была одна и та же дизайнерская сумка Celine Nano.

* Отрезок Пятой авеню в Нью-Йорке, на которой расположены 10 нью-йоркских музеев.

Однажды я видела, как один из моих одноклассников пытался купить шоколадку «Твикс» в гастрономе на Второй авеню, расплачиваясь стодолларовой купюрой.

Так что да. Существовала я и существовали они, и пропасть между нами была размером с Манхэттен.

Но теперь, привычным маршрутом направляясь к своему шкафчику, я почувствовала, что не вписываюсь в местное общество по совершенно другой причине. Все смотрели на меня. Типа, реально оставались и смотрели. Некоторые ухмылялись, другие наклонялись к своим друзьям и шептались, не сводя с меня глаз.

Мне не нужно было различать слова, чтобы понять, о чем они говорят. *Вот та девушка, которая перешла дорогу Лакс.*

Я так старалась не привлекать к себе внимания в этой школе, слиться с толпой, что, когда все смотрели на меня, я ощущала на себе чужие взгляды так же остро, как внезапное изменение температуры. Вокруг похолодало. Даже почетные выпускники с портретов, украшавших стены с высокими потолками, казалось, наблюдали за мной. Выпускники на портретах выглядели в основном сердито насупленными чуваками из тех времен, когда в Манчестерской школе учились исключительно сердито насупленные чуваки. Лишь в 80-х годах в школу начали принимать девочек, и мой шкафчик находился прямо под цветными портретами двух выпускниц с распущенными волосами. Одна стала астронавтом, а другая — актрисой второго сорта ситкома. Обе, казалось, слишком заинте-

ресованно взирали на то, как я стала новоиспеченным социальным изгоем.

Я не видела Лакс, но ощущала ее повсюду, словно присутствие призрака, преследующего меня. Сильнее всего я почувствовала это на занятии по предмету «Роль женщин в художественной литературе», когда увидела Брэма, сидящего на своем обычном месте. Наши взгляды встретились на бесконечное мгновение, в течение которого я мыслями вернулась к нашему поцелую. Я почувствовала, что покраснела, и задалась вопросом, признался ли Брэм во всем Лакс и стоит ли ожидать, что моя и без того испорченная жизнь в Манчестере станет еще хуже. Но потом Брэм отвернулся, я последовала его примеру, и мы оба продолжили притворяться, что меня не существует.

Я изо всех сил старалась не думать о Брэме, но, к сожалению, он был любимой темой разговора у Сандры.

— В твоей прежней школе были такие же красивые парни, как Брэм Уайлдинг? — спросила Сандра, когда мы сели в столовой.

Я отложила бутерброд. У меня внезапно скрутило живот, но Сандра не заметила моей потери аппетита. Она рассеянно жевала, не отрывая взгляда от середины помещения. Там обычно собиралась элита школы. Сандра смотрела на Брэма и его друзей так, словно они занимались чем-то поистине замечательным, а не просто ели и болтали, как все мы, плебеи.

Благодаря Сандре я узнала о Брэме все, что меня абсолютно не интересовало. Он стал плодом любви Эндрю и Далилы Уайлдинг — издательского магна-

та шотландского происхождения и бывшей модели из Каира соответственно. Но кое-что я знала о нем, о чем Сандра не имела представления. Например, какие на вкус его губы.

— Все парни в моей прежней школе были уродами и чудилами, — ответила я. Сандра оказала мне большую услугу, не упомянув о бревне в глазу (о моей внезапно обретенной дурной славе и изгнании из общества), но мне отчаянно требовалось сменить тему. — Не могли бы мы поговорить о чем-нибудь другом?

— Ладно, можем поговорить о вечеринке, которую я до сих пор не могу забыть. Мы должны выяснить, неужели легендарные локоны Лакс на самом деле являются искусственными? — Сандра подняла глаза и вздохнула. — Вот так молишься богам скандала, молишься, но никогда не ждешь ответа на свои молитвы, понимаешь?

— Ты не думала, что это подлая шутка? — спросила я.

— Только не говори мне, что ты веришь этим слухам.

— Каким слухам?

Глаза Сандры загорелись. Если и было что-то, о чем она любила говорить больше, чем о Брэме Уайлдинге, так это слухи.

— Я забыла, что ты новенькая и не знаешь всех грязных секретов Манчестера.

Сандра отодвинула тарелку в сторону, как будто ей требовалось освободить место для грандиозного секрета, который она собиралась мне открыть.

— Есть мнение, что какой-то опасный шутник в школе стоит за самыми большими унижениями

каждого. Например, однажды Эрику Белкотт заперли в подвальном бассейне, и когда ее нашли, она лежала, свернувшись в позе эмбриона, на трамплине для прыжков. Она рассказала, что кто-то включал и выключал свет. В другой раз Джонатан Калден проснулся в мусорном контейнере за «Красным Раком», не зная, как он туда попал. И был один случай, когда Джулия Махони клялась, что кто-то оставляет ей жуткие записки, написанные красной помадой, и когда она нашла тюбик губной помады в своем рюкзаке на занятии по углубленному изучению химии, то испугалась, опрокинула горелку и чуть не подожгла класс. Отсюда и возникли слухи о шутнике. Есть мнение, что все случаи взаимосвязаны, что за всем этим стоит один человек. Пострадавшие говорят: «*Этот придурок меня подловил*». Но нет же, а как насчет личной ответственности, Джонатан? Если просыпаешься в мусорном контейнере, значит, ты сам виноват в том, что ходил в «Красный Рак» на *Таймс-сквер*.

Обычно, когда Сандра обрушивала на меня кучу имен, я отключалась, как будто голова наполнялась белым шумом. Но поскольку уж речь зашла о таинственном и неуловимом шутнике, который портит всем жизнь, я насторожилась.

— Расскажи еще что-нибудь про это.

— Это происходит уже долгие годы, — продолжила Сандра. — Я слышала о «проказнике» еще до того, как перешла в старшие классы. Но это всего лишь одна из городских легенд.

Мои мысли вернулись к парню, которого я видела, когда в заброшенном доме снова зажегся свет. Тому самому, который незаметно выключил пор-

тативный динамик, пока все находились в смятении. Я выяснила, как его зовут: Фредди Мартинес. Окинув взглядом столовую, я заметила его, безошибочно узнав по спадавшим на лоб кудрям. Он сидел в окружении друзей.

— Кто эти парни? — спросила я у Сандры.

— Фу. Это парни из Тиша. Они все вместе состоят в Киноклубе. И все вместе собираются поступать в школу искусств Тиша в Нью-Йоркском университете и изучать кино — прости, *кинематографию*, — ответила Сандра. — А один из них на самом деле уже поступил туда. Берегись — они могут попытаться завлечь тебя в свои сети из-за того, что в их клубе нет ни одной девушки. Девчонкам не нравится таскать с собой тяжелую аппаратуру. Однажды Прюит Пусивик пытался флиртовать со мной, и на мгновение мне это даже понравилось, но потом меня осенило, типа, подожди, я тебе действительно нравлюсь или ты просто пытаешься заставить меня вступить в Киноклуб? Это вызвало у меня большие проблемы с доверием.

— Ого.

— Вот именно, — поддакнула Сандра. — Они считают себя крутыми, но на самом деле являются просто пафосными ботанами.

Но мне Фредди не показался таким уж ботаном. Да, он носил очки в толстой оправе, но мне они вроде как даже понравились. Кроме того, у него была расслабленная поза и легкая улыбка человека со здоровой долей уверенности в себе. И еще эта линия подбородка. Такого острого, что, кажется, можно порезаться. Одевался Фредди довольно неряшливо — форменная рубашка из ткани «ок-

сфорд» не была выглажена, как у других парней, а ботинки поистрепались и нуждались в чистке до блеска, — но у меня возникло ощущение, что все это сделано намеренно. Как часть образа, который Фредди поддерживал.

— А что скажешь насчет того парня? — спросила я, указывая подбородком в сторону Фредди.

— Фредди Мартинеса? — уточнила Сандра. — А что?

— Просто любопытно.

Выражение ее лица говорило о том, что в этой школе есть куда более интересные люди, о которых можно посплетничать, но Сандра всегда была рада похвастаться своими энциклопедическими знаниями об учениках, даже если речь шла всего лишь о Фредди Мартинесе. Она глубоко вздохнула и начала перечислять факты о Фредди.

Я узнала, что у нас с ним есть кое-что общее: в школе для богачей мы попали в разряд бедняков. Он учился по гранту. Его мама работала поставщиком провизии, и Фредди помогал ей по выходным, а еще он продавал шпаргалки и рефераты. И, судя по всему, за хорошую цену он мог даже сдать за других стандартизированные тесты. Здесь это считалось прибыльной подработкой.

— В принципе, за деньги он готов на все, какая пошлость, но, думаю, это может пригодиться, если ты отстой в алгебре или в чем-то подобном. — Сандра перевела дыхание. — Еще ходят слухи, но лично я считаю их проявлением расизма, что он торгует наркотиками.

Тогда хорошо, что она сама не распространяет эти слухи дальше.

Фредди был поглощен разговором с парнем, сидевшим с ним рядом. Интересно, они вдвоем придумали тот розыгрыш или идея принадлежала исключительно Фредди? Не ошиблась ли Сандра? А может быть, *действительно существует* кто-то, прикалывающийся над учениками Манчестерской школы?

Это было бы ужасно.

И это была бы самая интересная новость с момента моего появления здесь.

4

МОЙ ЛЮБИМЫЙ СПОСОБ выпустить пар — это смотреть фильмы ужасов. Я считаю их своего рода экспозиционной терапией*. Ирония в том, что мой бывший психотерапевт был противником этой идеи. Но фильмы ужасов успокаивают меня, хорошо расслабляют. Может быть, так получается благодаря осознанию того, что все происходящее на экране является лишь игрой актеров и закончится логичным финалом менее чем через два часа. Если я могла приучить себя смотреть фильмы ужасов, не бояться никаких страшилок, тогда, возможно, я могла бы превратиться в более спокойную, более безмятежную версию себя.

По крайней мере, таков был план. Я начала смотреть фильмы ужасов в прошлом году, после того

* Экспозиционная терапия включает в себя воздействие на целевого пациента источника тревоги или его контекста без намерения вызвать какую-либо опасность. Считается, что это поможет им преодолеть тревогу или дистресс.

как на меня напали. Сначала мне было очень страшно. Во время просмотра *«Изгоняющего дьявола»* мне приходилось отводить всякий раз, когда на экране крупным планом появлялось отрешенное, покрытое сеткой кровеносных сосудов лицо Линды Блэр. А после просмотра фильма *«Звонок»* я целую неделю не отвечала на телефонные звонки.

Фильмы ужасов заставили меня прочувствовать всю гамму эмоций, на которую они и были рассчитаны. Я пугалась, но затем успокаивалась. Если у меня бежали мурашки, то в итоге оставалось ощущение, словно я умылась холодной водой. Сначала ты получаешь встряску, но потом становишься чистым, свежим и еще более счастливым от того, что сделал решительный шаг.

Но со временем я пристрастилась к этим ощущениям, и, пересмотрев большинство популярных фильмов ужасов, стала натекаться на их подвиды, скорее наигранные или дрянные, чем страшные. Актеры в них были с плохим гримом и еще худшими диалогами. Нельзя сказать, что у меня выработался иммунитет к страшилкам или тому подобному, но в последнее время триллеры оставляли меня равнодушной.

Сегодняшнее меню — фильм *«Бешеная»* — был из этой категории. Кроме того, я постоянно отвлекалась на свой телефон.

Я думала, что моя дурная слава в школе забыта, но оказалось, что рассчитывать на это было наивно. Случай с Лакс и ее наращенными волосами мусировался в социальных сетях, повторялся во всех видах различных интерпретаций. Меня отмечали в постах в «Инстаграме», где мои глаза искажа-

ли фотошопом, либо оставляли длинные бессвязные подписи о том, что я — самый ужасный человек в мире, раз сотворила такое с Лакс.

Вздыхая, я просматривала уведомления о новых постах и наткнулась на «ТикТок», в котором парень, нарядившийся под Лакс (это было понятно по белокурому парикю), и другой парень, нарядившийся под меня (по всему лицу были нарисованы веснушки, больше похожие на родимые пятна), боролись друг с другом на земле.

И все потому, что я рассмеялась из-за дурацкого розыгрыша. Но, конечно, всем остальным показалось, что я смеюсь над Лакс. И, возможно, отчасти я смеялась и над ней, развеселилась при виде ее испуга, получала удовольствие от ее страданий. Я снова вошла в «ТикТок» и увеличила изображение хихикающей физиономии подставной Рейчел.

Год назад, еще до того, как страх и тревога стали моими нежеланными друзьями, чудовище внутри меня показало свое истинное лицо. С тех пор я всеми силами пыталась скрыть это. Но в тот краткий миг, когда в заброшенном доме зажегся свет, я не успела спрятаться за маской. И теперь этот монстр красовался во всех социальных сетях у всех на виду.

Но хуже всего — я прямо чувствовала, словно чья-то рука, затянутая в перчатку, вспарывает мой живот перочинным ножом, — были те посты, которые открыто высмеивали Лакс. Ехидные анонимные твиты об ее искусственных волосах, офотошопленные изображения Лакс с лысой головой. Именно эти посты сигнализировали о том, что

все, как лаконично выразилась Сандра, *нехорошо получилось*. Я чувствовала, как ужас сдавливает мне горло, и это не имело никакого отношения к фильму, который шел на экране. Мне было стыдно перед Лакс, но в то же время даже после краткого общения с ней у меня возникло ощущение, что Лакс не из тех девушек, которые легко переносят унижение. Она наверняка захочет отомстить.

А вот у мамы страх определенно вызывал фильм. Она сидела на другом конце дивана со стопкой непроверенных школьных работ на коленях и обеими руками закрывала лицо, изредка поглядывая сквозь пальцы, не закончилась ли кровавая сцена на экране.

— Неужели обязательно показывать так много... мускулов на лице? — спросила она.

В фильме «*Бешеная*» рассказывалось о женщине, которой в результате несчастного случая повредило большую часть лица. Сейчас на экране показывали кадры, где врачи демонстрировали пациентке ее повреждения. Это сопровождалось стенаниями как самой пациентки, так и моей матери. Я никогда раньше не видела этот фильм.

— Да. Они должны все показать в подробностях, — ответила я, отложила телефон и схватила горсть разогретого в микроволновке попкорна из миски, которую держала на коленях.

Раньше я никогда не приглашала маму посмотреть со мной фильмы, но она всегда настойчиво просилась составить мне компанию. Я практически не сомневалась, что она считала это укреплением отношений матери и дочери.

— Это так отвратительно, — заявила мама. — И неоправданно! Почему в подобных фильмах всегда показывают насилие над женщинами?

— Режиссеры этого фильма — две женщины. Сестры по фамилии Соска.

— Правда?

— Я могу досмотреть его в своей комнате, если хочешь.

Как и следовало ожидать, мама покачала головой. Я думаю, что она поддерживала мое пристрастие к фильмам ужасов, потому что, наверное, видела в этом мою попытку пережить «психологическую травму» после того, что случилось в прошлом году. Но она не обязана была любить это занятие. Что мама ясно давала понять во время каждого нашего совместного просмотра фильма ужасов.

Вместо того чтобы следить за событиями на экране, мама занялась школьными работами. Краем глаза я заметила, как она сняла колпачок с красной ручки и нарисовала подряд три вопросительных знака на полях сочинения какого-то ученика. Когда крики в фильме возобновились, мама подняла голову и поморщилась.

— Мне стоит волноваться, Рейчел?

Мне потребовались все силы, чтобы не соскользнуть с дивана, когда я закатила глаза.

— Нам нужно перестать смотреть фильмы вместе.

— У тебя в школе что-то не складывается?

— Нет.

— Потому что я знаю, что ты любишь смотреть эти фильмы после тяжелого дня.

— Дела в школе идут восхитительно, — заверила я, набивая рот попкорном, чтобы слов было почти не разобрать.

— Я серьезно. Этот фильм вызывает у меня тошноту, а ты смотришь его так, словно это парад в честь Дня благодарения.

— Для меня это более интересное зрелище, чем воздушные шары и марширующие оркестры, мама.

— Вот именно. У меня в голове не укладывается, как ты можешь смотреть все это и одновременно жевать. Ты чуть ли не пальцы облизываешь.

Подразумевалось, что мама должна любить меня. В «Справочниках по материнству» постоянно пишут про все эти безусловные формы любви. Но иногда, в такие моменты как сейчас, мама допускала оплошность. Я видела, что она любит меня *несмотря* на то, что ее пугает мое поведение. Должно быть, мама считала меня неполноценной. И в глубине души я понимала, что она смотрит эти фильмы со мной, потому что чувствует себя виноватой. Из-за того, что случилось в прошлом году. Из-за того, что она оставила меня одну дома в тот вечер. Из-за того, что ее не было рядом в тот момент.

— Хочешь сказать, что я не испытываю никаких чувств? Как психопат?

— Рейчел...

— Потому что это звучит именно так.

Мне не хотелось спорить с матерью, но иногда это было проще, чем отвечать на ее вопросы. Иногда обстоятельства заставляют вступать в спор. Я старалась говорить ровным голосом. Как психопат.

— Хамонада, — нежно позвала мама. — Пожалуйста, не говори так.

Я сглотнула и снова схватилась за телефон. Я же просто пошутила. Вроде того. Как бы то ни было, я поссорилась с мамой и сожалела об этом.

— Я найду другой фильм.

Мама снова покачала головой. Укрепление отношений матери и дочери было для нее важнее всего.

— Все в порядке. Не такой уж он и страшный.

Мой телефон звякнул. Новое сообщение от Сандры.

«Приве-е-ет, просто для информации: не выходи сегодня вечером в интернет, ладно?»

Тугой узел страха в моем животе затянулся еще крепче. Я сделала даже больше для нее: удалила свой «Инстаграм». Все равно я почти им не пользовалась. Я и аккаунт-то там создала лишь после того, как перевелась в Манчестерскую школу, потому что это казалось обязательным действием. У каждой нормальной девочки-подростка есть страница в «Инстаграме», полная фотографий. Но всякий раз, выкладывая фотографию, я испытывала мучительный дискомфорт, как будто надела слишком тесный костюм. Сделав кучу бесполезных селфи, я начала понимать, как натянуто выглядят мои улыбки.

Затем я решила поискать кого-нибудь. Фредди Мартинеса в «Инстаграме» не было, но я довольно легко нашла его в «Твиттере». Его последний твит вышел полчаса назад.

«В кинотеатре «Кинофорум» сегодня показывают один из моих любимых фильмов в честь #МесяцТысячиУжасов. Идем на #ЗловещиеМертвецы2!»

Я невольно улыбнулась. Выходит, нам еще и одни и те же фильмы ужасов нравятся.

Испытав порыв чистого вдохновения, я поставила миску с попкорном на край стола.

— Пойду погуляю.

— Куда это ты собралась? — спросила мама.

— Встречусь с друзьями.

Я не любила лгать маме, но знала, что она не оставит меня, если дело касается встречи с друзьями. А Фредди — потенциальный друг. С которым я формально собиралась встретиться в первый раз. Так что на самом деле это вовсе не ложь.

5

ПОХОД В «Кинофорум» в надежде наткнуться на Фредди, возможно, со стороны походил на преследование, но пошла я и по другой причине. «*Зловещие мертвецы 2*» — один из моих любимых фильмов.

Я выбрала место на задних рядах и осмотрелась. В зале уже собралось человек десять, но Фредди нигде не было видно. Я начала думать, что он не появится, и сказала себе, что это к лучшему. Потому что, если он все-таки появится, мне придется с ним поговорить, а я не подготовила речь. Или на самом деле подготовила, просто не знала, как начать разговор. Как спросить парня о том, почему он устроил такой розыгрыш? Знал ли он, что Лакс взбесит-ся? Стоял ли он за теми загадочными розыгрышами в школе, о которых рассказывала Сандра?

И самое главное, собирается ли он взять на себя вину за срыв спиритического сеанса и избавить меня от гнева Лакс?

Свет в зале начал гаснуть, а Фредди так и не появился.

И вдруг я увидела, как он идет по проходу. Я ожидала, что он может прийти с кем-нибудь из других парней из Тиша или с девушкой, но Фредди сопровождал лишь огромный пакет попкорна.

Я была уверена, что он меня не заметит.

Он сразу же заметил меня.

Я переключила свое внимание на экран. Фредди выбрал мой ряд и сел через одно место от меня.

— Привет, — прошептал он. Когда я взглянула на него, то увидела только его профиль. Взгляд Фредди был прикован к экрану.

— Здравствуй.

— Ты ведь учишься в Манчестерской школе, верно?

— М-м-м?

— Ты новенькая. Та, которая смеялась над Лакс.

Моя дурная слава. Ну, конечно, именно поэтому он и узнал меня.

На экране демон прыгнул на Брюса Кэмпбелла, и хор приглушенных воплей раздался со всех сторон. Сидящая позади меня женщина закричала так громко, что я чуть не подпрыгнула. Я обернулась и увидела, что она вцепилась в руку своего кавалера и уткнулась головой ему в плечо, но продолжала смотреть фильм. Что мне нравится в хорроре: это единственный жанр, от которого получаешь удовольствие, то и дело отводя взгляд.

Ни Фредди, ни я даже не шелохнулись.

Я еще не встречала ни одного человека моего возраста, который бы раскошелился на билет в кинотеатр, чтобы посмотреть «Зловещие мерт-

вецы 2». В одиночестве. Фредди, должно быть, подумал то же самое обо мне, потому что он наклонился к сиденью между нами и прошептал:

— Ну, типа, что ты здесь делаешь?

Люди вокруг нас ахнули, как будто отреагировали на его вопрос, а не на фильм.

Это был хороший вопрос. *Что* я здесь делаю? Я понимала лишь, что не могла оставаться дома и бороться с искушением без конца заглядывать в телефон. Просмотр фильмов в кинотеатре хорош тем, что насчет использования телефонов существует правило. Но я выбрала путь труса:

— *А ты* что здесь делаешь?

Кто-то шикнул на нас. Фредди повернулся, чтобы одарить этого человека неприязненным взглядом, но вернулся к просмотру фильма, и я — тоже. Внизу, в третьем ряду, кто-то так испугался, когда из половиц высунулась рука нежити, что вздрогнул и просыпал попкорн. Это, казалось, побудило Фредди предложить мне попкорн из своего пакета. Я заколебалась, но Фредди встряхнул пакет, поддразнивая меня. Тогда я погрузила пальцы в маслянистые зерна и благодарно улыбнулась. Фредди улыбнулся в ответ. А у сидящих вокруг в зале тем временем вырвался крик ужаса.

* * *

Был уже поздний час, когда фильм закончился. Мы с Фредди вместе направились к выходу, и тут меня охватила паника, поскольку я поняла, что теперь нам придется начать полноценный разговор. Я не могла признаться Фредди, что при-

шла сюда, потому что выследила его в «Твиттере». И определенно не могла заявить ему, что подозреваю его в проделках Скандально Известного Манчестерского Шутника.

К счастью, Фредди первым нарушил молчание.

— Мы с тобой были как в фильме «Донни Дарко».

Я ухмыльнулась. Фредди имел в виду сцену, где Джейк Джилленхол и жуткий, похожий на монстра кролик сидели вместе в темном кино-театре.

— Надеюсь, я была не в роли Фрэнка, того кролика?

Теперь настала очередь Фредди ухмыляться, и мы вдруг превратились в двух ухмыляющихся идиотов на грязной улице Нью-Йорка, которые светятся от счастья из-за приятных воспоминаний о фильмах ужасов. Я уже почти привыкла, что Сандра в подобных ситуациях озадаченно смотрит на меня, и этого небольшого обмена репликами с Фредди хватило, чтобы мое сердце запело. Или, лучше сказать, завопило.

— Я — Фредди.

— Рейчел.

— Значит, Рейчел, ты фанатка «Зловещих мертвецов 2»?

— Ага. Я могу оценить по достоинству хорошую комедию ужасов.

— Ты смотрела фильм «Зомби по имени Шон»?

— Конечно. Хотя я бы сказала, что это скорее комедия, чем ужасы. «Слизняк» больше подходит в качестве примера чистой комедии ужасов... ах, да, и «Я иду искать» получился на удивление

веселым. Но Сэм Рэйми* по-прежнему остается правящим королем жанра, насколько я понимаю.

Обычно, когда я обсуждала с другими людьми (хорошо, с мамой или Сандрой) фильмы ужасов, на меня смотрели безучастно, как будто я говорила на другом языке. Фредди тоже уставился на меня, но выражение его лица было далеко не безучастным.

Он расплылся в широкой улыбке.

— Но ничто не сравнится с непреднамеренно смешным фильмом ужасов.

— О каком из них ты говоришь?

— «Пила».

— Ты серьезно?! — Я рассмеялась.

Фредди кивнул.

— Главный злодей там похож на Пинокио на трехколесном велосипеде. Как это может быть страшно?

— Ну, а Дэмиен в «Омене» страшный? Он же маленький мальчик!

На мгновение наши взгляды встретились, а затем мы взаимно согласились, что да, Дэмиен наводил полный ужас.

Я уже и позабыла, как это приятно — найти кого-то, с кем можно поговорить о том, что любишь. Мы понимали друг друга с полуслова, хотя на самом деле только что познакомились.

Внезапно мне захотелось говорить о кино всю ночь.

* Американский кинорежиссер, сценарист и кинопродюсер. Его самые известные и популярные фильмы — трилогия о зловещих мертвецах и экранизация комикса «Человек-паук».

Но кроме нас возле кинотеатра уже никого не осталось, и наступила пора прощаться. Я не могла уйти, не задав Фредди вопроса, ради которого сюда пришла.

— Вообще-то забавно, что я наткнулась на тебя здесь, потому что я давно хотела с тобой кое о чем поговорить, — начала я небрежным тоном. — Помнишь ту вечеринку в заброшенном доме? Спиритический сеанс?

— А что такое?

Может быть, я ставила под угрозу настоящие, искренние отношения, которые завязались у меня с кем-то впервые за долгое время, но я должна была рискнуть. Розыгрыш на спиритическом сеансе разрушил на корню все мои попытки-не-выделяться-из-общей-массы-обычных-старшекласников, и мне была необходима помощь Фредди.

— Ну, я видела у тебя портативный динамик. Это ты включил запись с жужжанием. Это ты всех разыграл.

Несмотря на попытки говорить небрежным тоном, теперь в моем голосе зазвучало обвинение. Я повела себя слишком напористо и могла тем самым отпугнуть Фредди. Я попробовала сбавить обороты.

— Просто Лакс винит меня в том, что случилось, — пояснила я. — И, на мой взгляд, раз уж меня выставили виноватой, то я, по крайней мере, имею право знать, что произошло на самом деле.

Фредди явно был из тех людей, у которых все эмоции отражаются на лице. Несколько секунд назад он светился счастливой улыбкой, а теперь насторожился. Он поправил очки, нахмурил густые брови.

— Ты явилась сюда сегодня вечером, чтобы разыскать меня?

Он словно видел меня насквозь.

— Что?! — Я мгновенно и густо покраснела. — Нет!

— Ты именно поэтому пришла, не так ли?

— Я пришла, потому что люблю... «*Зловещих мертвецов*». Слушай, все нормально, я никому тебя не выдам.

— Я не понимаю, о чем ты говоришь.

Фредди быстро отвел глаза, но парень явно не умел сохранять бесстрастное лицо. Он хотел удержать все в тайне, и это его право. Но я не могла оставить все как есть. Я нашла человека, который разделял мои интересы: в частности, фильмы ужасов и нескрываемое презрение к Лакс Маккрей.

— Я видела у тебя портативный динамик.

Фредди не отрывал взгляда от земли.

— Я не имею никакого отношения к спиритическому сеансу. Это сделал кто-то другой.

— Да?! И кто же?!

— Грета. Она явно расстроилась, что мы ее беспокоили.

Я закатила глаза. Когда Фредди оторвал взгляд от земли, то казался скорее удивленным, чем раздраженным. Я порадовалась, что не спугнула его окончательно.

— Ладно, гипотетически предположим, что это был я, — сказал Фредди. — Ты обвиняешь меня в том, что я устроил хитроумный розыгрыш, чтобы напугать людей. Зачем мне делать что-то подобное?

— Потому что тебе не нравятся эти люди. Потому что ты не такой, как они, и, возможно, они за-

служили встряску. Потому что ты любишь страшные фильмы, и, возможно, уже пересмотрел их все, и никакие ужасы тебя больше не пугают.

Это был перебор. Я выдала слишком длинную речь для беседы с человеком, с которым лишь недавно познакомилась. И теперь, выпалив эти слова, я задумалась, действительно ли говорю о нем или же о себе. Но Фредди снова ухмыльнулся. Еще несколько минут назад я находила его улыбку довольно милой, но сейчас это было совершенно невыносимо.

— Ты слишком много общаешься с Сандрой Клермонт, Рейчел. В нашей школе нет любителей устраивать розыгрыши. Неужели ты думаешь, что все эти миллионеры позволят терроризировать своих детей?

— Откуда ты знаешь, что я общаюсь с Сандрой?

— Я замечал вас вместе.

Я тоже его замечала, хотя никогда не призналась бы ему в этом. А вот Фредди ничуть не смутился, когда повисла долгая пауза.

Но в его словах меня задело кое-что еще. *«В нашей школе нет любителей устраивать розыгрыши».*

— Ты сказал — любителей. Во множественном числе. Все остальные думают, что это только один человек.

Его губы, растянутые в непроницаемой ухмылке, дрогнули. Это было почти незаметно, но я уловила.

— Увидимся, Рейчел.

На этот раз я не последовала за Фредди.

Хотя мне этого очень хотелось.

6

ЛЮБИТЕЛИ УСТРАИВАТЬ РОЗЫГРЫШИ. Целая группа.

Мне это не просто показалось — Фредди себя выдал. Теперь все казалось таким очевидным. Конечно, на спиритическом сеансе он действовал не один. Он не смог бы проделать все в одиночку.

Я не знала, насколько велика группа и кто ее главные участники, но у меня сложилось довольно четкое представление о том, кто еще состоит в ней. Фредди бросился мне в глаза, потому что он единственный держался в тени, имитируя жужжание своим портативным динамиком. Но я совершенно упустила из виду того, кто и не думал скрываться, а находился в центре внимания.

И у меня, и у Тайера Тернера третьим уроком шел предмет «Роль женщин в художественной литературе». Мы изучали *«Грозовой перевал»**, и мисс Лю пыталась убедить нас, что это хорошая книга, хотя было видно, как сильно она недолюбливала всех персонажей в ней. Пока мисс Лю разглагольствовала, я наблюдала за Тайером. Мисс Лю наверняка казалось, что Тайер подробно конспектирует ее речь, но я сидела через один ряд и на одно место позади него и видела, что он на самом деле невероятно детально рисует лицо — гротескно утрированное, с темными впалыми глазами и пересекающимися шрамами.

* Единственный роман английской писательницы и поэтессы XIX века Эмили Бронте.

— Но почему он этого не сделал? — спросила мисс Лю. — Есть мнение по этому поводу, мистер Тернер?

Тайер резко вскинул голову. Я понятия не имела, о чем мисс Лю спрашивает, и, судя по всему, Тайер — тоже. Я наблюдала, как он отложил карандаш, закрыл тетрадь и откашлялся.

— Ну, я полагаю, что на самом деле вы спрашиваете меня, мисс Лю, почему он считал, что имеет право... сделать это? Откуда он брал мужество, наглость, дерзость... сделать то, о чем вы как раз говорили минуту назад? И ответ, с которым, я уверен, вы согласитесь, заключается в том, что Хитклиф — обалденный красавец.

— Хорошо, Тайер, *спасибо*, — громко сказала мисс Лю, пытаясь заглушить смешки.

— А что? — спросил Тайер. — Разве не так он описан в книге? Высокий, смуглолицый и темноволосяный, чей жгучий взгляд согревал Кэти на болотах. Ну просто лакомый кусочек шоколадки.

— Я сказала «*спасибо*», мистер Тернер. Мисс Чавес, не хотите ли ответить на вопрос?

Мисс Лю застала меня врасплох, и я уставилась на нее в недоумении.

— Простите, что?

— Ваше мнение о желании Хитклифа отомстить.

— А... кхм... — Я пробежала взглядом по тетради. Ни строчки. — Месть — это плохо.

Мисс Лю всем видом показывала, что ждет продолжения. Наступившая в классе тишина была оглушительной. Девушка, сидевшая в одном ряду с Тайером, — одна из подруг Лакс, — сказала мне

одними губами: «Неудачница». Брэм, который сидел рядом с ней, смотрел на меня так пристально, что я почувствовала, как слабею под его взглядом. Откуда-то с задних парт до меня отчетливо донеслось унижительное фырканье.

Чем дальше все смотрели на меня, тем больше мне казалось, что у меня затягивается на шее петля. Все мысли исчезли из головы, я даже не могла вспомнить, о какой книге идет речь, наверняка просто сидела и открывала и закрывала рот, как выброшенная на берег рыба.

Но тут прозвенел звонок, и все забыли о моем существовании, закидывая учебники и тетради в сумки. Я снова могла дышать.

Мисс Лю пыталась напоследок вложить в наши головы оставшиеся крупницы информации, но мое внимание было сосредоточено на Тайере. Я применила весь вскипевший в крови адреналин, чтобы погнаться за ним.

Выбежав за дверь, я чуть не столкнулась с Тайером. Он стоял и явно поджидал там меня.

— Ты следила за мной в классе.

— Что? Нет, не следила.

— Я очень наблюдательный. Даже не пытайся врать.

— Я не вру...

— Ты ходила за мной сегодня утром, Новенькая. До первого урока и после второго. То есть я понимаю — передо мной трудно устоять. Ты можешь делать все что хочешь, но, пожалуйста, постарайся не влюбляться в меня. Это закончится только разбитым сердцем.

— Э-э... — Все, что я смогла выдать.

Но Тайер подмигнул и толкнул меня локтем. Это было похоже на приглашение прогуляться с ним по коридору. Так я и сделала.

— Я видела твой рисунок, — призналась я. — Хорошая прорисовка... э-э... шрамов.

— Спасибо! Художников редко ценят при жизни.

— Это Кожаное Лицо*, верно? Мне нравится Кожаное Лицо.

Тайер демонстративно выгнул бровь.

— У тебя странный вкус на парней, но кто я такой, чтобы судить?

— Я хотела сказать, что он мой любимый кинозлодей на все времена.

Тайер улыбнулся, но ускорил шаг.

— Ты фанатка фильмов ужасов.

— Ага. — Я тоже ускорила шаг, чтобы не отставать. — Я поняла, что тебе тоже нравятся такие фильмы, по тому, как ты рассказывал ту историю на спиритическом сеансе. О Грете, Фрэнке и мухах, вылетающих изо рта Фрэнка. Ты хороший рассказчик.

— Да ты сама любезность! Наверное, мне стоит позволить тебе все время ходить за мной. Но та история — чистая правда.

Я рассмеялась, и Тайер искоса взглянул на меня.

— Да ладно тебе, Тайер, я уже поговорила с Фредди, — сказала я.

— Каким Фредди?

Он собирался прикинуться дурачком, как и Фредди. А это означало, что пора переходить к делу.

* Маньяк, главный отрицательный персонаж серии американских фильмов ужасов «Техасская резня бензопилой», прообразом которого послужил маньяк Эд Гин.

— С Фредди Мартинесом. Он рассказал мне о вашей группе.

Тайер снова остановился и на этот раз посмотрел на меня не со скептицизмом, обаянием или юмором, а с тревогой.

— Фредди никогда бы не рассказал, — прошептал он.

— Значит, группа *существует*. Я так и знала.

— Черт, — выпалил Тайер. — Черт, черт, *черт!*

Он снова зашагал, еще быстрее, чем раньше, но я побежала за ним, стораю от желания узнать больше об этой группе. Сначала я хотела лишь выяснить правду о спиритическом сеансе и поведать ее другим, чтобы прекратить нападки на меня. Но Фредди и Тайер меня заинтриговали, и я чувствовала, что они являются частью чего-то большего. Мне тоже захотелось стать частью этого.

— Вы только устраиваете розыгрыши?

— Нет, говори потише.

— Нужно обязательно быть фанатом фильмов ужасов, чтобы вступить в группу? Как можно в нее вступить?

— Никто не может вступить в клуб без приглашения, Новенькая.

— Значит, это больше, чем просто группа. Это настоящий клуб.

— Черт, черт, черт!

— Вы ведете протокол собраний? Есть ли казначей?

— Пожалуйста, прекрати этот разговор.

— Я не понимаю секретности. Что тут такого?

Тайер остановился, и я чуть не налетела на него снова. Он уже собирался что-то сказать, но тут

к нему сзади подошел какой-то здоровяк в сопровождении трех подручных. Здоровяк врезался своим похожим на шар для боулинга плечом в спину Тайера, и тот, спотыкаясь, полетел на меня. Здоровяк наклонился и что-то прошептал на ухо Тайеру, а затем вместе со своими дружками рассмеялся и ушел. Слов я не расслышала, но мне довольно легко удалось прочитать их по губам.

— Он только что назвал тебя... — Я не могла заставить себя произнести это вслух.

— Парадоксально, не правда ли? — Тайер потер ушибленное плечо. — Особенно если учесть, как он *нашептывает мне на ушко всякие нежности!*

Последние слова Тайер выкрикнул вслед здоровяку, при этом заранее убедившись, что тот отошел достаточно далеко и не расслышит.

— Тревор Дриггс — полный кретин. — Тайер вздохнул.

— Эй! — Я уже мчалась по коридору. Догнав Тревора, я протянула руку и похлопала его по плечу. — Что, черт возьми, с тобой не так?

Он повернулся ко мне.

— Не понял?!

— С чего ты взял, что можешь так разговаривать с людьми?

Тревору потребовалось время, чтобы сообразить, но потом он перевел взгляд с меня на Тайера, который уже догнал нас. Тревор рассмеялся.

— Заставил Новенькую заступаться за тебя, Тайер? — Тревор снова посмотрел на меня. — И что ты сделаешь, выдерешь мне волосы?!

Мое лицо вспыхнуло. Это был тупой, примитивный удар, но он все равно достиг цели. Моя не-

давно обретенная дурная репутация бежала впереди меня.

Прозвенел звонок. Тревор и его банда идиотов, хихикая, удалились, а мы с Тайером остались смотреть им вслед.

— Не могу поверить, что он сказал тебе такое, — призналась я. — Ты в порядке?

Тайер пожал плечами.

— Знаешь, чего Тревор боится больше всего на свете?

Я покачала головой.

— Что ж, а я знаю. — Тайер прижал учебники к груди. — Спасибо, что попыталась помочь. Ты мне нравишься, поэтому я сделаю тебе одолжение. Я притворюсь, что нашего разговора не было. Приятно было познакомиться, Новенькая.

7

БЫЛО ОЧЕВИДНО, что Фредди и Тайер не хотят иметь со мной ничего общего. Ну и естественно, я не могла перестать думать о них.

Позже в тот же день я отправилась на трехмерную анатомию, мой единственный факультатив по искусству в этом семестре. Каждую неделю нам поручали создавать макеты частей тела из разных материалов. Сегодня мы работали с глиной, и мне, наверное, следовало быть более внимательной. По крайней мере я должна была следить за Лакс, которая тоже находилась в классе и пронзала меня кинжальными взглядами при любой возможности. Но мои мысли все время воз-

вращались к клубу Фредди и Тайера. Пока все остальные мои соседи были заняты тем, что лепили из разложенных перед ними серых кусочков глины руки, уши или носы, я рассеянно ката-ла свой комок по столу.

Сначала себя выдал Фредди, а теперь еще и Тайер. Мне удалось выяснить лишь то, что они состо-яли в некоем тайном клубе, в котором занимались какими-то сомнительными делами. Я уже начала считать их кукловодами, которые тянут за невиди-мые ниточки и стоят за всеми странными и страш-ными случаями, происходившими с учениками в этой школе. Это звучало довольно зловеще. Пло-хо. Но в то же время мне казалось, что это звучит как-то... потрясающе.

На первый взгляд все выглядело как обычные розыгрыши, но я уже начинала проводить парал-лели. В делах клуба, так или иначе, присутствовал элемент ужасов. Я имею в виду, что спиритиче-ский сеанс был разыгран как сцена из подростко-вого фильма ужасов. И во всех слухах о преды-дущих розыгрышах встречалось что-то знакомое. Например, характерные приемы или упоминания городских легенд.

Я еще даже не выяснила всех целей существо-вания этого клуба, но уже поняла, что должна всту-пить в него. Мне хотелось испытать тот же всплеск адреналина, который я получала от просмотра фильмов ужасов. Возбуждение от соприкоснове-ния со страхом и осознания того, что он не может добраться до меня.

Может быть, эти розыгрыши как раз и подарят мне нужные эмоции.

— Рейчел?

Я вздрогнула, услышав голос Пола. Он преподавал у нас рисование и настаивал, чтобы мы называли его по имени. Это, а также его волосы, тонкие и длинные, едва касавшиеся плеч, как Пол сказал нам в первый день занятий, наглядно показывало нам, что он не такой, как другие здешние учителя.

— Да, Пол?

— Над чем ты работаешь?

Я посмотрела на свой комок будущего трехмерного анатомического макета части человеческого тела, который невольно скатала в печального вида фаллос. Я раздавила глину между пальцами, чтобы немедленно уничтожить его.

— Я еще не определилась.

Пол поморщился и указал на кладовку с материалами, расположенную рядом с окном.

— Может, тебе нужно взять еще глины?

— Сейчас так и сделаю, Пол.

Я встала и отправилась в кладовку, в которой все полки были забиты серыми комками, завернутыми в полиэтиленовую пленку. Я собиралась взять один из них, но тут кто-то другой схватил его с полки. Я с раздражением обернулась, чтобы посмотреть, кто это.

— Просто отлично, — пробормотала я.

— Ну, и тебе привет, — откликнулась Лакс.

Она шагнула ближе, оттесняя меня глубже в кладовку. В начале урока Лакс вроде бы не собиралась убивать меня на месте и, возможно, она немного остыла, и исходя из этого я почему-то решила, что нахожусь в безопасности. Выходит, что нет. Мне захотелось обратиться с ее дороги и вернуться